

наброски их портретов для своего выполнения требовали также обогащения агиографического стиля иными литературными средствами, позволявшими изобразить хотя бы отдельные черты жизни и людей «какие они есть».

В этих отступлениях от агиографического канона мы обнаружим отход от абстрактности религиозного идеала, элементы психологического анализа, правдивого бытописания, открывающие за религиозной оболочкой жизненные ситуации — то борьбу человека с самим собой, то его столкновения с окружающими, с тем бытом, от которого он ушел в монастырь.

Мы всматриваемся и в некоторые стороны монастырской жизни, и в скрытые от постороннего глаза непримечательные уголки будничного быта «печерян», которые, оказывается, не только молились, постились и творили «чудеса», но и ссорились, завидовали, проявляли скупость, тщеславие, мечтали о богатстве. Вместе с этими темами рядом с «агиографическим стилем» в разобранных нами житиях появляются иные литературные средства, входит и иной, народный тип литературного языка.

Житийный жанр XI—начала XIII в. отразил в своем развитии рост всей литературы этого времени. Мы указывали, что и сам агиографический стиль XI—начала XIII в. складывался не изолированно от других форм религиозной литературы: он приобрел черты торжественного и религиозно-дидактического ораторства, впитал элементы гимнографической лирики. Кроме того, в житиях этого времени он обогатился приемами исторического повествования: отсюда в нем четкость рассказа, выразительность и острота диалога с его интонациями живой речи, а иногда и меткостью народной афористичности. При этом следует добавить, что эти приемы исторического повествования используются в житиях для изображения остающегося в тени у писателя-историка повседневного быта, на фоне которого выступают то феодалы, совсем не в «этикетных», «геральдических» очертаниях «монументально-исторических» летописных портретов, то отдельные представители трудового народа в их будничной жизни, с их критической оценкой «по вся дньи праздного» монаха, «неправедного судьи», лишившего их монастырской соли князя... Противопоставленное в теории агиографическому стилю «многообразие действительности» в житиях Киево-Печерского патерика выступает достаточно отчетливо. Этим в значительной мере ослабляется «тенденция свести к некоему абстрактному „единству“» это многообразие даже тогда, когда «предустановленная схема» у автора проглядывает.⁴⁷ Таким образом, те элементы в житиях Киево-Печерского патерика, которые выходят за рамки собственно агиографического стиля, свидетельствуют о росте способов бытописания и изображения человека не как участника больших исторических событий, а в его повседневном поведении. Эти эпизоды говорят о попытках проникнуть и в мотивы этого поведения, разобраться в смене настроений человека, в его «помыслах», т. е. ввести в бытовой

ний мир своих героев» [Культура Руси времени Андрея Рублева и Елифания Премудрого (конец XIV—начало XV в.). М.—Л., 1962, стр. 66]. Д. С. Лихачев противопоставляет в данном случае житиям конца XIV—начала XV в. «монументально-исторический» стиль изображения людей в летописи. Однако и в XI—XIII вв. это не был единственный стиль изображения человека. И. П. Еремин дал определение «агиографического» стиля этого времени; конкретное применение этого стиля в житиях XII—XIII вв. показало, что интерес к внутреннему миру героев не был чужд авторам этих житий, а нарисованные ими портреты людей отнюдь не всегда «статичны», «монументальны» и «геральдичны».

⁴⁷ И. П. Еремин и н. Киевская летопись, стр. 85. Например, обязательная житийная схема в житии Феодосия в рассказе о его детстве — благочестивые родители, ранняя религиозность Феодосия — расцвечена описанием быта зажиточной семьи, борьбы властной матери с религиозностью сына.